

КУЛЬТУРНЫЙ
СЛОЙ

СОСТАВИТЕЛЬ ЕВГЕНИЙ ТРОСТИН

Против Булгакова

Почему запрещали
великого писателя?

Москва
издательство
РОДИНА
2025

УДК 32.019.51

ББК 66.3(0)

П83

П83 Против Булгакова. Почему запрещали великого писателя? / Евгений Тростин, сост. – М.: Родина, 2025. – 224 с. : илл. – (Культурный слой).

ISBN 978-5-00222-948-2

Литературная судьба М.А. Булгакова (1891 – 1940) трагична. Это сегодня он – признанный классик XX века. А при жизни ему довелось увидеть напечатанными только пару небольших сборников рассказов, частично – роман «Белая гвардия». Сценический успех сопутствовал пьесе «Дни Турбиных», хотя и ее подвергали нещадной критике. Пьесы «Бег» и «Иван Васильевич», роман «Мастер и Маргарита», повесть «Собачье сердце» пришли к читателям через много лет после смерти писателя. Булгакова критиковали по политической линии – как неблагонадежного, недостаточно «пролетарского» писателя. Не принимали и его стиль, в котором мистика переплеталась с сатирой. В критике 1920-х появился термин «булгаковщина» – как клеймо. Он успел вывести своих критиков в карикатурном виде в романе «Мастер и Маргарита». А в этой книге впервые раскрыта история запрещения Булгакова. Аргументы его противников, пружины их интриг, которые спровоцировали раннюю болезнь и смерть затравленного писателя. Книга предназначена для всех, кого интересует отечественная культура, судьба и наследие Михаила Булгакова.

УДК 32.019.51
ББК 66.3(0)

ISBN 978-5-00222-948-2 © ООО «Издательство Родина», 2025

Содержание

КРАХМАЛЬНАЯ МАШИНКА.....	7
АЛЕКСАНДР ОРЛИНСКИЙ. ПРОТИВ БУЛГАКОВЩИНЫ	18
ПЕТР ПИЛЬСКИЙ. ИРОНИЯ И ФАНТАСТИКА	23
ЭММАНУИЛ БЕСКИН. КРЕМОВЫЕ ШТОРЫ.....	28
СОВРЕМЕННОСТИ О РОМАНЕ «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»....	33
КРИТИКИ О ПЬЕСЕ «ДНИ ТУРБИНЫХ».....	54
ИСТОРИЯ «СОБАЧЬЕГО СЕРДЦА»	66
ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ. «ДНИ ТУРБИНЫХ» М. БУЛГАКОВА	72
ПИСЬМО М.А. БУЛГАКОВА ПРАВИТЕЛЬСТВУ СССР ...	79
ДИАКОН АНДРЕЙ КУРАЕВ. ЕСТЬ ЛИ ЗАЩИТА ОТ ВОЛАНДА?	92
ЛИДИЯ ЯНОВСКАЯ. БУЛГАКОВ И МАЯКОВСКИЙ ...	106
ПЕРЕПИСКА ЛИДИИ ЯНОВСКОЙ С КОНСТАНТИНОМ СИМОНОВЫМ	168
КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ. БУЛГАКОВ И ТЕАТР	200
МИХАИЛ ВАЙСКОПФ. БУЛГАКОВ И ЗАГОСКИН	217



Михаил Булгаков

КРАХМАЛЬНАЯ МАШИНКА

Михаил Булгаков — писатель, сумевший в XX веке открыть новые пространства в русской литературе — на стыке фантастики, сатиры и лирики. Настоящая слава пришла к нему после смерти, зато сегодня он — признанный классик, переведенный чуть ли не на все языки мира. Читателям Булгакова известно, где он родился — в районе Подола, в Киеве, русском городе, который он воспел и оплакал в романе «Белая гвардия». Родился в большой семье историка и богослова, преподававшего в Киевской духовной академии, Михаил был старшим сыном. «Шалун из шалунов» — таким вспоминали его товарищи по гимназии. Он учился в старших классах, когда серьезно заболел отец — нефрит сначала превратил профессора в слепца, а потом и унёс в могилу, в 48 лет.

Юный врач

С тех пор самой таинственной и «блестящей» (это его выражение) Булгаков считал профессию врача. Он окончил медицинский факультет университета. Потом — война, фронтовые госпитали, опасное увлечение морфием, которое ему удалось преодолеть. Весной 1918 года Булгаков вернулся в Киев в надежде заняться медицинской практикой. Революционные идеи его не привлекали, он надеялся, что политическая тряска рано или поздно закончится. Но, как воен-

врач, Булгаков сначала записался в офицерские дружины, чтобы защищать Киев от петлюровцев. Потом ему пришлось исполнять свой врачебный долг и при Петлюре, и при большевиках, но его взглядам больше соответствовали денikinские Вооруженные силы Юга России — ведь они пытались вернуть «порядок». Там Булгаков прослужил полгода, в Терском казачьем полку. И только приступ тифа помешал ему эмигрировать в начале 1920 года. Но болезнь и война всколыхнули в нем главное — литературный дар. Теперь он жалел, что не начал писать и печататься раньше.

За славой Булгаков отправился в Москву — и быстро стал одним из ведущих фельетонистов газеты «Гудок». Он был не единственным советским писателем с «белым» прошлым. Можно вспомнить и Евгения Шварца, и Валентина Катаева, и Бориса Лавренева... Принцип Булгакова известен: то, что он делает, должно быть «осетриной первой свежести». Второго класса он не признавал. И в середине 1920-х Булгаков почувствовал себя настоящим профессионалом: его «Записки юного врача» обратили на себя внимание критики, книги рассказов издавались и переиздавались, роман «Белая гвардия» выходил в журнале «Россия» — и в прессе его называли «первой попыткой создания великой эпопеи современности». Книга о родном Киеве, о гражданской войне, о любви, о военном враче Турбине (эту фамилию носил прадед Булгакова). А в Художественном театре репетировали пьесу, которую Булгаков мастерски сложил из фрагментов романа — «Дни Турбиных».

Из советской литературной гурьбы тех лет Булгаков выделялся тем, что в бурные двадцатые годы держал себя совсем не по-советски. Даже его монокль выглядел каким-то старорежимным. Вот уж кто не

принимал «левого искусства»! И не рядился под «рабоче-крестьянского» писателя, а свои фельетоны в «Гудке» подписывал не абы как, а — «Крахмальная манишка». Такой у него был буржуазный псевдоним.

Но с соратниками по «Гудку» приятельствовал. Иногда им хотелось «роскошной жизни». Тогда — непременно на последние три рубля! — они делали ставку в казино. Во времена нэповского угара в Москве ещё были казино. И почти всегда выигрывали с первой ставки рублей шесть. В романе «Алмазный мой венец» Катаев колоритно вспоминал о том, что они предпринимали, разбогатев: «тут же бежали по выюжной Тверской к Елисееву и покупали ветчину, колбасу, сардинки, свежие батоны и сыр чеддер, — непременно чеддер! — который особенно любил Синеглазый и умел выбирать, вынюхивая его своим лисьим носом, ну и, конечно, бутылки две настоящего заграничного портвейна». Синеглазым Катаев интонационно называл друга в своей воспоминательной книге.

Театральный триумф

Булгаков ценил семейный уют, который в те годы презрительно называли «мещанским». Иногда — если накатывало скверное настроение — он устраивал сам для себя игру на грани абсурда. Шел к парикмахеру, аккуратно брился, стригся. Одевался так тщательно, что Берлиоз на Патриарших прудах непременно принял бы его за иностранца, с шиком брал извозчика — и отправлялся в самый захудалый театр Москвы, на старый, мало кому интересный спектакль, пропахший нафталином. Степенно занимал место в ложе полупустого зала — и терпеливо отсиживал представление

до конца. Потом громко аплодировал, кричал: «Браво!» Плотно ужинал, снова брал извозчика — и домой. Парадоксальная игра! Но она помогала ему посмеяться и над миром, который так испортил «квартирный вопрос», и над самим собой. К тому же этот житейский сюжет так похож на булгаковскую прозу!

Булгаков сделал серьёзную ставку на театр: сценические гонорары его вполне устраивали, а овации зрителей — тем более. Он и сам блистал актерскими способностями: выдающиеся актеры-мхатовцы восхищались, когда он читал собственные пьесы. Бывало, что он и выходил на знаменитую сцену — в роли судьи в «Пиквикском клубе». Но главное — «Турбины» шли во МХАТе с громким успехом, это был настоящий театральный триумф. Иосиф Сталин ходил на этот спектакль около двадцати раз. Одной политикой этого не объяснишь. Ему нравилось благородство «белого полковника» Алексея Турбина, он посмеивался над казарменными шутками артиллериста Мышлаевского и павлиньими замашками гетманского адъютанта Шервинского. В кругах, близких к власти, эта пьеса многих раздражала — и представителей Украины, и ветеранов «колчаковских фронтов», всё ещё живущих законами гражданской войны. Пьесу снимали со сцены — но всё-таки восстанавливали, видимо, по инициативе «вождя», который рассуждал так: «Если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, — значит, большевики непобедимы».

Фигура Сталина писателя занимала. В нём многие видели Бонапарта русской революции. А Булгаков только и ждал сильную личность, которая отменит революционный абсурд Швондера и его команды